

Фан Шуюй хотел задать ещё несколько уточняющих вопросов, но увидел, что Чи Сяньчуань уже лениво откинулся на спинку кресла. Его длинные изящные пальцы рассеянно перебирали густую шерсть на спине Сяобая. Чёрный кот довольно урчал, что делало хозяина ещё более расслабленным и безмятежным.

— Офицер Фан, — он даже не поднял век, а его голос недвусмысленно давал понять, что пора уходить, — дальше полагайтесь на себя. Моя обитель слишком мала и скромна, чтобы лезть в такие мутные дела.

— Погодите, — нахмурился Фан Шуюй, — вы упомянули ритуалы, жертвы, какой-то масштабный замысел...

Чи Сяньчуань не ответил, лишь лениво зевнул.

— Кхе-кхе! — Чжао Маньтан, всё это время жавшийся в сторонке, внезапно прочистил горло. Он засуетился, сделал шаг вперёд, и на его лице мгновенно заиграла расчётливая улыбка дельца — от недавнего испуга не осталось и следа. — Ну... офицер Фан, прошу прощения. У нас в храме Юэцзянь дела идут скромно, каждая копейка на счету. Сами понимаете, у нас свои правила на гадания и консультации. — Он потёр большой палец об указательный, демонстрируя классический жест. — Пятьсот за раз, без обмана.

У Фэн, стоявший рядом, чуть не выронил глаза от удивления:

— Пятьсот? Управляющий Чжао, мы же полиция! Мы ведём расследование убийства, собираем информацию! — в его голосе сквозило полное неверие.

Чжао Маньтан тут же выпрямился, задрал подбородок и с полным правом на своей стороне парировал:

— И что с того? Раз полиция, значит, платить не надо? Даже если сам Нефритовый император спустится, должен следовать правилам! У нас ко всем отношение равное! Работаем честно, обмана не терпим!

Он указал на облупившуюся деревянную табличку у ворот, на которой неровными мазками кисти было выведено: Гадание по восьми иероглифам — пятьсот за сеанс. Ответы на вопросы и толкование судьбы — искренность превыше всего.

У Фэн перевёл взгляд с таблички на Чжао Маньтана, который всем своим видом изображал добропорядочного бизнесмена, а затем покосился на Чи Сяньчуаня, пребывающего в кресле в состоянии просветлённого отстранённого покоя. Уголок рта полицейского нервно задёргался.

Фан Шуюй с досадой повернулся к Чи Сяньчуаню. И едва не рассмеялся от злости — тот самый небожитель, который только что отнекивался от лишних хлопот, сейчас продолжал вальяжно разваливаться в кресле, одной рукой поглаживая кота, а другой постукивая по подлокотнику. Однако его персиковые глаза, которые вечно казались сонными и полуприкрытыми, сейчас

распахнулись! В них сиял такой яркий, нескрываемый блеск, что в них можно было прочесть четыре слова: Золото! Блестит! Ярко!

Фан Шуюй схватился за лоб, чувствуя, как пульсирует висок.

Как он мог забыть! Забыть, что этот отшельник, способный в любой момент вознестись на небеса, по своей сути — ненасытный пия, помешанный на деньгах! В прошлый раз, когда он просил его провести обряд упокоения для Шэнь Мо по делу Ночного соловья, тот тоже работал по принципу: сначала деньги — потом заклинание! Никаких уступок!

Меня опять обдирают как липку? — мысленно выругался Фан Шуюй, но, вспомнив важность услышанного анализа, смирился. Он полез во внутренний карман, достал кошелек, ловко вытянул пять новеньких купюр и шлёпнул ими в руку Чжао Маньтана. Его голос звучал так, будто он скрипел зубами:

— Ладно! Правила я понял! Можно продолжать?

Чжао Маньтан просиял, споро пересчитал купюры, дважды шлёпнув ими по ладони, и с довольным видом спрятал в карман.

— А это уже будет стоять отдельно, — легко отозвался тот, что лежал в кресле с котом. Голос его был тихим, словно пёрышко, но звучал предельно чётко. — Один анализ — пятьсот.

Фан Шуюй замер. Кровь ударила ему в голову. Он едва не рассмеялся от ярости, повысив голос:

— Чи Сяньчуань, ты решил ободрать меня до нитки? Я что, годовой план прибыли твоего храма Юэцзянь?

Чи Сяньчуань наконец соизволил повернуть голову и посмотреть на Фан Шуюя в упор. На его лице не отразилось никаких эмоций, он по-прежнему выглядел расслабленно, но взгляд был прямым:

— Офицер Фан, не стоит так говорить. Вчера в лесу я спас её и указал путь с горы только потому, что она нарушила мой покой. Считайте это исключением. Только что я разложил вам по полочкам её статус жертвы с чисто иньской судьбой, объяснил суть ритуала и мастерство убийцы. Разве этого недостаточно, чтобы считать это вторым исключением?

Он сделал паузу, качнул подбородком в сторону Чжао Маньтана, намекая на очевидное:

— Бог любит троицу, но мои силы не безграничны, я больше не потяну.

Смысл был ясен: даже за деньги он не будет вмешиваться! Слишком много хлопот, не хочет пачкаться в чужой карме.

Фан Шуюй глубоко вдохнул и медленно выдохнул. За годы службы он понял: с Чи Сяньчуанем

силой ничего не добьёшься. Он внимательно посмотрел в эти персиковые глаза, которые снова подёрнулись дымкой безразличия, и кивнул:

— Хорошо, я понял. — Он решительно развернулся. — У Фэн, уходим.

У ворот Фан Шуюй на секунду остановился, но не обернулся. Его голос прозвучал твёрдо:

— Если вспомните что-то ещё, неважно, связано это с делом или нет, звоните в любое время. Просто позвоните. — Сказав это, он широким шагом направился к выходу.

Чи Сяньчуань, словно выполнив тяжкую повинность, окончательно расслабился и лениво махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху:

— Счастливого пути. В следующий раз записывайтесь заранее, у нас много прихожан, график плотный. — Он добавил к месту подвернувшуюся интернет-шутку: — В конце концов, бедность ограничивает моё воображение, но деньги разблокируют моё расписание.

Фан Шуюй, уже отошедший на десяток метров, споткнулся и едва не промахнулся мимо влажной каменной ступени. Этот Чи Сяньчуань, талант сыпать шутками у него просто в крови. Фан Шуюй почувствовал одновременно раздражение и веселье. Ну что за напасть! Он крепко зажмурился, подавляя желание закатить глаза, но уголки его губ всё же невольно дрогнули.

Когда они уже почти вышли за ворота, Чи Сяньчуань, словно вспомнив что-то, даже не открывая глаз, лениво бросил вдогонку, обращаясь к У Фэну:

— Тот офицер, что рядом с тобой: что суждено, то будет, а чего нет — не стоит выпрашивать. У той девушки уже есть любимый человек. Мир велик, зачем заикливаться на одном цветке? Не вешайся на одном дереве, попробуй другое, может, там пейзаж лучше.

У Фэн резко остановился, ошарашенно ткнул пальцем в себя, посмотрел на Фан Шуюя. В его глазах читались шок и едва заметная растерянность:

— Я? Господин Чи, вы... вы про Юаньюань? Неужели вы заметили...

Чи Сяньчуань наконец приподнял веки и бросил на него взгляд, полный пренебрежения, мол, почему ты такой упёртый:

— А что тут замечать? Я не бог брака, красные нити не в моём ведении. Я к тому, что в жизни главное — радость. Насильно мил не будешь, сорванный цветок не пахнет, а навязанная любовь лишь приведёт к стене. Парень, мысли шире, не упирайся в одну цель. Мир огромен, девушек полно, рано или поздно найдётся та, у которой плохо со зрением... кхе, я хотел сказать, та, которая оценит твою настойчивость.

Эти слова звучали как подколка, но в них скрывалась житейская мудрость, вскрывающая безответную любовь У Фэна к Вэнь Юаньюань.

Лицо У Фэна мгновенно залилось краской, он замялся, не зная, что ответить. Фан Шуюй похлопал его по плечу, взглядом обещая поговорить позже, и потащил за собой.

Ну и человек! Раздражает, но злиться на него невозможно!

Обернувшись на скрытый в зелени и тумане даосский храм, Фан Шуюй почувствовал, что гнетущая тяжесть от дела немного отступила. Они спускались по скользкой тропе, утренний туман почти рассеялся, солнце пробивалось сквозь листву. Однако на душе у Фан Шуюя было беспокойно. Храм Юэцзянь, чьи серые крыши то и дело мелькали меж деревьев, казался молчаливым свидетелем.

Его интуиция, как натянутая струна, подсказывала: Чи Сяньчуань не сможет остаться в стороне. Фан Шуюй не подозревал его в убийстве — человек, который не хочет лишних хлопот, не станет совершать глупость, выбрасывая труп на видном месте. Он пришёл сюда, чтобы услышать интерпретацию профи.

С самого начала всё казалось странным. Ли Гоэр, молодая девушка, ночью на пустынной остановке, отрезанный язык, перерезанная сонная артерия. Ни следов борьбы, ни отпечатков, даже царапин нет. Слишком неестественно. Обычная месть или бытовуха не бывают такими ритуальными. Убийца создавал произведение, с холодной, почти религиозной преданностью. Время, место, манипуляции — всё указывало на ритуал.

Анализ Чи Сяньчуаня стал ключом. Чистая инь, время ша, жертва, замысел — эти слова идеально объясняли всё нелогичное. Это не просто убийство, это жертвоприношение! Чи Сяньчуань подтвердил его догадки, и теперь Фан Шуюй понимал: они столкнулись с опасной сектой. Тень Сяньмэнь уже нависла над городом. А Чи Сяньчуань, как хранитель храма и единственный свидетель, уже втянут в этот водоворот. Уйти в тень? Теперь это вряд ли получится.

— Брат Чуань! Брат Чуань! Всё правда обошлось? — когда полиция ушла, маска дельца с Чжао Маньтана мгновенно слетела. Он побледнел и, придвинувшись к креслу, прошептал с дрожью: — Вчера ты ведь сказал, что всё закончилось? Почему опять... и такие смерти!

Чи Сяньчуань не ответил сразу. Он сел прямо и опустил Сяобая на землю. Чёрный кот грациозно прыгнул, потянулся и неспешно зашагал прочь.

Чи Сяньчуань нахмурился. В его персиковых глазах, обычно полных иронии, сейчас отражались глубокие раздумья и тревога.

— Закончилось? Оборвалась лишь нить причины. Но обрыв — не значит конец, — тихо пробормотал он, словно структурируя мысли. — Тот, кто выбрал это место, скорее всего, целился в расположение Юэцзянь.

— Что? Целился в нас? — ноги Чжао Маньтана стали совсем ватными.

— Не обязательно в храм, — покачал головой Чи Сяньчуань. — Горы Фэнлин напоминают спящего дракона, пьющего воду, а Юэцзянь стоит прямо у него на горле. — Он указал на направление. — С точки зрения фэншуй, здесь можно как запереть энергию, так и накопить скверну. Неудивительно, что они выбрали это место.

Он сделал паузу, его взгляд стал острым, будто он видел за лесами руку кукловода:

— Но судя по стилю убийцы — чисто, чётко, с ясной целью — если ритуал это лишь первый этап, то ради баланса или следующих шагов... — его голос похолодел, — следующая жертва, будь то смена костей или очищение мозга, вряд ли будет рядом с Фэнлин. Он уйдёт. Чем дальше, тем сложнее будет найти.

— Будет... будет следующая? — Чжао Маньтан едва не подпрыгнул. — Вторая?!

— Жертвы — это как ингредиенты, — тон Чи Сяньчуаня вернулся к раздражающему спокойствию, будто он обсуждал редьку на рынке. — Одной мало. Как в отваре, если основы недостаточно, надо добавить. Если бы я делал... — он внезапно повернул голову, и на его губах появилась улыбка, которую Чжао Маньтан счёл крайне злонамеренной. Взгляд Чи Сяньчуаня скользнул по нему сверху вниз. — Маньтан.

— Я здесь! — Чжао Маньтан вздрогнул от неожиданности.

Чи Сяньчуань медленно растянул слова, вкладывая в них глубокий смысл:

— А ты мне подходишь. Прирождённый неудачник, вечно избегающий бед, но постоянно влипающий в истории. Такие, кто вечно на грани, но никак не сдохнут, для тёмных искусств — идеальный материал. Очень выносливый...

Не успел он договорить, как Чжао Маньтан с криком испуганного зайца отскочил в самый дальний угол двора. Его трясло так, что из кармана посыпались те самые красные купюры.

— Я... я предупреждаю! Не подходи! Если я рядом, ты... ты... навлечёшь на себя беду! Страшную беду! Такую, что небо рухнет! — он тыкал в сторону Чи Сяньчуаня, заикаясь и неся околесицу.

— Пффф... — Лю Хэшань, стоявший рядом, не выдержал и прикрыл рот рукой, чтобы не рассмеяться. Он подошёл, поднял деньги и с улыбкой сунул их обратно в руки дрожащего Чжао Маньтана: — Маньтан, ну ты даёшь! Чуань тебя разыгрывает!

Он качал головой:

— Сколько лет ты его знаешь? Разве не понимаешь, какой он? Он просто решил охладить твой пыл после того, как ты так жадно считал деньги!

— А что будет? — Чи Сяньчуань всё-таки не удержался и рассмеялся, его чёрные глаза сияли

озорством. — Полезешь на дерево или зароешься в нору? Маньтан, сколько тебе лет? Твоя храбрость... — он указал на сердце Чжао Маньтана, — её что, в роддоме забыли в инкубаторе, и медсестры выбросили как медицинские отходы? До сих пор не выросла?

Сяобай, привлечённый шумом, грациозно направился к Чжао Маньтану. Стоило ему подойти на полметра —

— Мамочки! — снова взвизгнул Чжао Маньтан, подпрыгнув так, что чуть не ударился головой о низкий карниз.

Это вызвало у Чи Сяньчуаня и Лю Хэшаня новый приступ смеха.

После такой перепалки Чжао Маньтан наконец понял — его снова разыграли! Душа, улетевшая от страха, вернулась на место, хотя лицо всё ещё было бледным. Он спрятал деньги, сердито зыркнул на улыбающегося Чи Сяньчуаня и проворчал:

— Брат Чуань! Ты совсем бессовестный! Людей пугать — это не шутки! Если я от страха коньки отброшу, кто будет следить за храмом? Кто будет охранять эти руины? Кто будет пахать за тебя?

Лю Хэшань добродушно кивнул, глядя на них как на своих детей:

— Маньтан прав. В конце концов, лицо нашего храма и опора — это всё же Чуань.

Чи Сяньчуань встал, отряхнул пыль, потянулся так, что кости хрустнули:

— Эй, Хэшань-шу, не надо меня хвалить. — Он снова принял скучающий вид. — В наше время быть опорой слишком утомительно. Я ещё не насладился спокойной жизнью. Лежать на солнце, гладить кота, считать деньги... красота. Пусть этим занимаются те, кому больше всех надо.

Чжао Маньтан, глядя на эту лентяйскую натуру, не выдержал:

— Да чтоб тебя лень доконала! — он развернулся и, не обращая внимания на реакцию Чи Сяньчуаня, зашагал к углу двора, где стоял его электроскутер.

<http://bllate.org/book/18779/1822041>